

Развитие политэкономии социализма

© Ханин Г. И.

© Khanin H.

Развитие политэкономии социализма

Political economy of socialism development

Аннотация. Статья посвящена анализу работ экономиста Л. С. Беляева по проблемам политэкономии социализма. Они характеризуются квалифицированным и ответственным анализом опыта социалистического строительства в СССР и Китае. Подчеркивается, что часть выводов Л. С. Беляева существенно продвигает развитие политэкономии социализма и представления о возможных путях социалистического строительства. Вместе с тем на многие вопросы удовлетворительного ответа исследователь не дает.

Annotation. The article is devoted to analyze the content of monographies on political economy of socialism, written by Lev Belyaev. His books contain professional and responsible analysis of the socialism creation experience in the USSR and in communist China. Some conclusions proposed by L. Belyaev seem very important for the progress of economic theory of socialism and give a new knowledge about possible ways of socialism creation. In the same time the scholar's answers on many important questions are not enough proper and correct.

Ключевые слова. Экономическая теория, политическая экономия социализма, крах социализма в СССР, возрождение социализма, плановая экономика, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, И. В. Сталин.

Key words. Economic theory, political economy of socialism, destruction of Soviet socialist system, renaissance of socialist system, planning economy, Karl Marx, Friedrich Engels, Vladimir Lenin, Joseph Stalin.

Глубокий экономический кризис, который грозит растянуться на многие годы, ставит под сомнение весь курс рыночных реформ, начатых в России в конце 1980-х гг. В связи с этим естественно возрождение общественного и научного интереса и симпатий к советскому периоду, к идеям социализма в целом. В связи с этим работы Льва Спиридоновича Беляева по политэкономии социализма представляют серьезный интерес [1; 2]. Профессиональная специализация автора — экономика электроэнергетики СССР; грандиозные успехи этой отрасли в СССР и собственный жизненный опыт автора, видимо, оказали влияние на его отношение к советской экономике. И вот на восьмом десятке он (совершенно бескорыстно!) взялся за решение труднейшей задачи построения политэкономии социализма с учетом разностороннего опыта советского периода. Нашей бы научной молодежи такую самоотверженность!

ХАНИН Гирш Ицкович — профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (филиал г. Новосибирск), Новосибирского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор.

Далеко не все в монографиях Л. С. Беляева может быть принято безоговорочно. Однако хочу отметить проделанную им огромную интеллектуальную работу, научную смелость и проницательность в постановке многих проблем политэкономии социализма. Автор опирается на произведения классиков марксизма-ленинизма и И. В. Сталина, советских ученых-экономистов и современных ученых социалистической ориентации, обобщение огромного опыта реального социализма, прежде всего СССР и Китая. При всей глубокой приверженности социализму он критически оценивает многие стороны теории и практики социалистического строительства в СССР и пытается учесть эти недостатки в предлагаемой им политэкономической теории, которая, в сущности, является планом возрождения социализма.

Оценка реального социализма и начального периода его экономической истории

С первых страниц автор заявляет о своей принципиальной позиции по поводу истории реального социализма. По его мнению, «поражение социализма в СССР и странах—членах СЭВ явилось величайшим регрессивным событием конца XX века. Оно имело множество последствий как в республиках бывшего СССР и странах Восточной Европы, так и для мира в целом. Между тем переход человечества от капитализма к социализму исторически неизбежен, и данное поражение нужно, конечно, считать временным. Капитализм, прежде чем стать господствующим государственным строем, также терпел поражения после буржуазных революций в Англии и во Франции» [1. С. 5].

В дополнение к этим словам уместно напомнить о поражении Парижской коммуны, которую от победоносной Октябрьской революции в России отделяло всего 46 лет. Здесь же дается и указание на конкретные причины поражения социализма в СССР, которое автор связывает в первую очередь с недостаточной разработкой проблем политической экономии социализма, а также с перерождением правящей верхушки КПСС [1. С. 5].

Развернуто взгляды автора на содержание и историю реального социализма представлены в главе 3 («Основные принципы, законы и особенности социалистической экономики»). Эту главу я считаю ключевой для понимания концепции Л. С. Беляева. Внешне ее содержание выстроено в соответствии с классической марксистско-ленинско-сталинской схемой строительства социализма: переходный период, социализм, коммунизм. Но содержание и продолжительность этих этапов уходят далеко от этой схемы. Одно из основных отличий касается определения зрелого социализма. Под последним он понимает «отсутствие классов, а следовательно, и эксплуатации человека человеком, достаточно высокий уровень производительных сил, сопоставимый с уровнем передовых капстран (на душу населения), все более полную реализацию принципа “от каждого по способностям, каждому по труду”,

значительно возросший уровень образования и сознательности трудящихся, охват государственным планированием не только промышленности, но и основной массы сельскохозяйственного производства» [1. С. 91–92].

Для ностальгирующих по советскому времени шокирующим покажется утверждение автора о том, что «такой экономики практически нигде не было. СССР только начинал входить в период зрелого социализма в 1950–1960-е годы, но ввиду допущенных ошибок повернул фактически вспять (декларации о скором построении коммунизма, построении “развитого социализма” и т. п. были, конечно, преждевременными). Китай сейчас находится в середине начального этапа становления социализма, и до “зрелого социализма” ему еще далеко» [1. С. 92]. Критически оцениваются позиции не только КПСС постленинского периода, но и самого Сталина в 1936 г., считавшего, что социализм победил в СССР полностью, и переходный период завершился [3. С. 553], что стало в Советском Союзе не только пропагандистской аксиомой, но и ориентиром в социально-экономической политике. Такое утверждение серьезно компрометировало социализм ввиду огромного разрыва между его идеалами и реальной жизнью, порождало разочарование в его идеалах в странах «реального социализма». Оно же толкало экономическую политику на преждевременные шаги.

Л. С. Беляев пишет о длительности «начального периода» становления социализма, сближаясь с мнением Бухарина и довоенной левой социал-демократии. Очевидно, автор полагает, что преждевременный переход к зрелому социализму только компрометирует великую идею ввиду отсутствия необходимых экономических, культурных и идеологически-моральных («сознательность трудящихся») предпосылок, — как это и случилось в СССР. Автор подчеркивает важность использования в течение длительного времени предпринимательского потенциала частного сектора.

Исследователь ставит критически важный вопрос, каким образом начнется установление социализма: путем революции — как в России в октябре 1917-го и в КНР в 1949 г., или парламентским путем, в результате выборов (которые должны быть обязательно свободными)? По его мнению, от этого во многом зависит дальнейшее развитие социалистического процесса. Он рассматривает различные возможные пути завоевания власти пролетариатом и приходит к выводу (ссылаясь на новейший опыт Венесуэлы и Боливии), что «мирный путь восстановления Советской власти (социализма) представляется возможным и в современной России» [1. С. 53]. До сих пор такой путь крайне редко приводил даже к частичному успеху. Установление социализма являлось результатом либо вооруженного восстания, либо насильственного навязывания социально-экономической системы одной страной другой, как это имело место в странах Восточной Европы и в Северной Корее после Второй мировой войны.

Суть проблемы связана не только с силовыми, экономическими и идеологическими возможностями правящего слоя, но и с отсутствием убедительных практических доказательств преимуществ предлагаемого нового пути для наиболее образованной части общества. В России 1990-х были сделаны три попытки возвращения на социалистический путь развития: в октябре 1993-го, в ходе президентских выборов 1996 г. и после назначения Е. Примакова премьер-министром в 1998 г. Все эти попытки были пресечены силой, фальсификацией результатов выборов, а также смещением популярного и опасного для правящего слоя главы правительства президентом. Впрочем, это не означает, что общественный кризис и деморализация правящего класса не предоставят возможностей для новых (и вполне вероятно, небезуспешных) попыток.

Как же Л. С. Беляев представляет себе функционирование экономики и общества в начальный период становления социализма? Это очень важный вопрос, ибо социалистический проект может сорваться уже на начальной стадии, так и не дойдя до зрелого состояния. Этому посвящен небольшой параграф [1. С. 123—135], который, конечно, явно недостаточен для получения полного представления о путях решения этой важнейшей проблемы. Из его содержания, а также в результате знакомства с параграфами, посвященными нэпу и опыту КНР [1. С. 142—154, 222—244], можно составить общее впечатление об основных идеях исследователя применительно к этому периоду. Им предполагается сосуществование двух секторов экономики: государственного и частного.

В государственный сектор попадает то, что в СССР относилось к категории «командных высот» (тяжелая промышленность, транспорт и связь, большая часть внешней торговли, банковская система); частный сектор составляет все остальное, при том что жесткой границы между государственным и частным секторами не устанавливается. Государственный сектор отличают некоторые черты социализма, прежде всего, планирование и государственное управление, организация и оценка деятельности предприятий, методов нормирования и оплаты труда. Вместе с тем сохраняются товарное производство, денежное обращение и хозяйственный расчет — как в качестве наследия капитализма, так и для взаимодействия с частным сектором [1. С. 126—127]. Частный сектор функционирует по-капиталистически, но регулируется и ограничивается государством, которое в своей экономической политике отдает предпочтение государственному сектору [1. С. 127]. В связи с этим исследователь подвергает критике практику нынешнего руководства КНР, ориентирующегося на «создание равных условий для всех» [1. С. 127].

Автор, кажется, уверен в том, что предлагаемый им путь и приведет к зрелому социализму. Тем не менее он не надеется на одну только победу государственного сектора в экономическом соревновании с частным: предполагаются определенные преференции для государственного за счет частного. В том же направлении должна работать политическая

система, основанная на диктатуре пролетариата и ведущей роли в ней Коммунистической партии. Представляется, однако, что и при соблюдении этих условий победа государственного сектора и достижение уровня ВВП развитых стран на душу населения не только не гарантированы, но и весьма сомнительны. Дело в том, что, опираясь на статистику ЦСУ СССР, Л. С. Беляев сильно преувеличивает достижения нэпа.

Последние действительно были значительны на стадии восстановления дореволюционного уровня, но быстро исчерпали себя при переходе в стадию реконструкции экономики. К концу 1920-х гг. темпы экономического роста снизились до минимального уровня, и средств фонда накопления хватало лишь на восполнение выбытия основных фондов [6. С. 66—83]. Остро не хватало средств для увеличения человеческого капитала и создания современных вооруженных сил. Можно согласиться с выводом публициста Максима Калашникова о том, что СССР в конце нэпа являлся «конченной страной». А там, где существовала реальная конкуренция между частным и государственным сектором (торговля, сельское хозяйство, отдельные отрасли промышленности), частный сектор неизменно оказывался более эффективным в силу лучшего управления и большей гибкости. Более убедительно выглядит опыт КНР с ее огромными экономическими достижениями. Но и они, по мнению многих экономистов, были достигнуты преимущественно усилиями частного сектора, в том числе действующего с участием иностранного капитала. Так, в китайском экспорте половина приходится на продукцию иностранных компаний.

Частично это поражение государственного сектора явилось результатом драматического, немирного хода революции в этих странах. Революция, Гражданская война и эмиграция лишили государство многих квалифицированных кадров в экономике и государственном управлении, вынудили опираться на лиц менее квалифицированных, но зато лояльных. К этому добавлялось несовершенство организационных форм государственного сектора и систем стимулирования. Отсюда разочарование населения в экономических и иных результатах начального этапа строительства социализма. Но даже крайне редкий мирный начальный этап пока не принес больших и длительных успехов. Так, неудачей завершилась современная венесуэльская революция.

Когда закончился начальный период становления социализма?

Для понимания взгляда Л. С. Беляева на социализм важное значение имеет определение им периода завершения становления социализма в СССР. В книге я обнаружил несколько связанных с этим дат. Чаще всего называется середина 1950-х гг. [1. С. 16]. В то же время автор справедливо отмечает, что «по удельному производству продукции (на одного жителя) СССР еще сильно отставал от этих (передовых капита-

листических. — Г. Х.) стран» [1. С. 181]. А ведь именно этот показатель сам Беляев считает важнейшим критерием завершения начального этапа строительства социализма [1. С. 182]. Однако исследователь полагает, что в означенный период страна была близка к достижению этой цели с учетом позитивных результатов, полученных в управлении экономикой и социально-политической сфере, при всех их недостатках (приниженная роль Советов и противоречия между руководителями и рядовыми работниками) [1. С. 187—191]. На деле даже по уровню потребления продуктов питания СССР приблизился к развитым капиталистическим странам лишь в конце 1970-х гг. [4. С. 20, 23]. С учетом дореволюционной отсталости в экономическом развитии, пережитых «горячих» войн и «холодной войны» и это следует считать крупным достижением.

Реальный шанс перехода к зрелому социализму, по мнению Л. С. Беляева, был упущен после смерти Сталина его незадачливыми преемниками. К ошибочным их действиям в политической области он относит усиление роли аппарата КПСС в руководстве страной, ослабление влияния госбезопасности и других контрольных органов на пресечение преступлений номенклатуры, доклад Н. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС, посеявший смуту в сознании советских граждан и оказавший услугу врагам социализма за пределами СССР, необоснованное смещение «антипартийной группы», преждевременное выдвигание лозунга перехода к коммунизму [1. С. 191—197]. Кроме того, Беляев обоснованно критикует подавляющее большинство решений, принятых в тот период в области экономической политики: переход к совнархозам, ослабление централизованного планирования и усиление хозрасчета как капиталистического метода хозяйствования, в особенности — косыгинских реформ, ликвидацию МТС и гонения на приусадебные хозяйства [1. С. 198—206]. Эта критика представляется по преимуществу обоснованной, хотя и не лишенной слабых мест. К последним относится игнорирование прямой связи между личными качествами высших руководителей страны 1950—1980-х гг. со сложившейся при жизни Сталина системой отбора политических кадров по степени личной преданности вождю, а впоследствии — его преемникам. Между тем именно эти ошибки сорвали вступление СССР в стадию зрелого социализма.

Интересно сопоставить взгляды Л. С. Беляева в отношении зрелости социализма в СССР со взглядами столь же преданного социализму и умеющему теоретически мыслить В. М. Молотова, относящимися к 1970-м гг., который, в частности, отмечал: «Мы вступили в стадию развитого социализма, но только вступили — мы в самом начале периода его» (1983); «у нас начальная стадия развитого социализма» [8. С. 590, 594]. Взгляды очень близки. Проблема заключается лишь в одном: как перейти к зрелому социализму, и возможно ли это в принципе? Ответу на этот вопрос посвящена большая часть содержания книг Л. С. Беляева.

Период зрелого социализма

Много нового и оригинального содержится в предлагаемой Л. С. Беляевым концепции зрелого социализма. При всех оговорках и нововведениях он опирается здесь на практику реального социализма. Многочисленные варианты его модификации вроде рыночного социализма, самоуправленческого социализма, кооперативного социализма и т. д. ему чужды, и для этого есть немалые основания. Ведь эти нововведения не привились и часто приводили к противоположному результату — крушению социализма. Так случилось в СССР и Восточной Европе, включая Югославию с ее «социалистическим самоуправлением». Л. С. Беляев идет по другому пути. Он критикует существовавшую модель за недостаточность в ней элементов социализма и в этом видит причину ее неудачи.

Наибольшей критике он подвергает использование на этой стадии товарно-денежных отношений, в частности, хозрасчета. Он находит их не соответствующими природе зрелого социализма как плановой экономики и поэтому также крайне вредными практически. Его концептуальная критика опирается на многочисленные, не вызывающие сомнений в трактовке высказывания Маркса, Энгельса и Ленина. Именно из них всегда исходили в СССР «антитоварники». Так было в начале 1930-х после свертывания нэпа, когда в связи с экономическими неудачами 1930 г., вызванными свертыванием товарно-денежных отношений, был сделан упор на развитие планового хозрасчета. Так было в конце 1950-х, когда впервые после длительного перерыва стали возможны дискуссии (разумеется, в рамках «социалистического выбора»). Тогда прогремели «антитоварные» работы В. Соболя и И. Малышева. Убежденным противником сохранения товарно-денежных отношений как источника опасности ползучей реставрации капитализма выступал в беседах с единомышленниками и письмах в ЦК КПСС В. М. Молотов [8. С. 567, 588, 604]. Эти предостережения оправдались.

Не менее важны практические соображения. Многие советские экономисты долгие годы и даже десятилетия резко критиковали практически все обобщающие стоимостные показатели за их неспособность объективно оценить качество работы предприятий, а следовательно, также и министерств и отраслей экономики за подверженность манипуляциям. Отсюда оставался лишь один шаг до признания их не соответствующими природе социализма (или нежизнеспособности самого социализма). Но этот шаг так и не был сделан. Даже «антитоварники», как правило далекие от практики, оперировали общими теоретическими соображениями. «Практики» же чаще всего ограничивались либо другими стоимостными показателями, либо (реже) призывали шире применять натуральные показатели. И это, полагаю, нельзя объяснять их гражданской трусостью. Скорее, все объяснялось отсутствием удовлетворительной альтернативы.

Л. С. Беляев делает решительный шаг в сторону мнения о неизбежной ликвидации товарных отношений при зрелом социализме. В рамках экономической системы сохраняются деньги, цены, заработная плата, розничная торговля (их полную ликвидацию он относит к стадии коммунизма); но их сущность меняется коренным образом. Правда, это обстоятельство обоснованно констатировали применительно к этим категориям и сторонники прежней социалистической системы, однако Л. С. Беляев делает более решительный шаг: «При социализме теряет свой смысл понятие “стоимости” (продукта, товара), столь важное в капиталистическом обществе, оно заменяется понятием “трудоемкости” продукции. При социализме появляется необходимость (и должна быть создана возможность) непосредственной оценки (измерения) труда. “Трудоемкость” продукта представляет затраты живого и овеществленного труда на его производство. Если труд измеряется заработной платой, то “трудоемкость” продукта численно равна сумме заработной платы, выплаченной как при непосредственно производстве (живой труд), так и при производстве расходуемых материалов, а также оборудования и сооружений в части их амортизации (овеществленный труд)» [1. С. 300].

Звучит серьезно. Но мне представляется, что избавление от «стоимости» в данном случае носит преимущественно внешний характер. Речь идет о тех же ценах, но под другим названием. И это естественно объясняется сохранением товарно-денежных отношений. С другой стороны, осложняется механизм образования цен. Столь же неудачными были попытки избавиться от товарно-денежных отношений в начале 1930-х гг., когда не удавалось найти им удовлетворительной альтернативы. Вырваться из плена капиталистических категорий и явлений оказывается намного труднее, чем кажется Беляеву и его единомышленниками в прошлом и настоящем.

Гораздо более содержательный характер имеет предложение автора об изменении принципов ценообразования и управления при зрелом социализме. Эта часть его работы представляет наибольший интерес и заслуживает особого внимания. Правда, возникает сомнение в правомерности рассмотрения методов управления в работе по политической экономии, однако содержание политэкономии для капиталистической и социалистической систем не может не отличаться. Критиковавшийся Сталиным в «Экономических проблемах развития социализма...» Л. Ярошенко справедливо (вслед за А. Богдановым) предлагал включить вопросы управления в содержание политэкономии социализма.

Отталкиваясь от неудовлетворительной практики оценки деятельности предприятий с начала 1960-х гг., автор предлагает перенести учет в ценах прибавочного продукта в основном в цены предметов потребления с помощью налога с оборота. Прибыль в цены продукции не включается. Это позволяет, по мнению автора, избежать стремления предприятий завышать объем производства за счет взду-

вания оптовых цен и нарушения планового ассортимента продукции в пользу более рентабельных продуктов [1. С. 256–258]. Таким образом, практика ценообразования возвращается в 1930–1950-е гг., когда она была более рациональной. Вместе с тем предлагаемая исследователем директивная система установления цен представляется чрезмерно жесткой.

Очень серьезные изменения Л. С. Беляев предлагает внести в организацию и содержание планирования и управления экономикой [1. С. 258–288]. Главное направление предлагаемых изменений: сочетание усиления роли планирования с самостоятельностью и гибкостью хозяйственных единиц. Он выделяет три уровня управления: верхний (административный) и два непосредственно хозяйствующих. Новым по сравнению с прежней советской посленэповской (кроме самого начала 1930-х гг. и конечного периода «перестройки») практикой является появление разного рода хозяйственных объединений — отраслевых вертикальных (ВИК) и горизонтальных (ГИК), а также обеспечивающих преимущественно местные нужды территориальных (РЭО). Эта идея идет от практики монополистических объединений в капиталистических странах и предлагалась в СССР еще в 1960-е гг. большим знатоком этих объединений С. М. Меншиковым. Она широко практиковалась в большинстве европейских социалистических стран в 1960–1980-е гг., не внося, однако, кардинального улучшения в результаты хозяйствования.

Предлагаемая Л. С. Беляевым методология их хозяйствования серьезно отличается от практиковавшихся в СССР и восточноевропейских странах. Меняются методы определения объема производства в связи с изменением принципов ценообразования. Меняется характер финансирования: объединения финансируют только текущую деятельность (включая модернизацию производственных фондов). Средства на строительство новых предприятий и материального поощрения объединений поступают из государственного бюджета. Беляев особенно подчеркивает, что планы объединений формируются (в отличие от прежней практики) с учетом принципа приоритета потребителей. «Он применяется при заключении договоров на поставку продукции, включая предметы потребления, способствуя производству необходимой и качественной продукции. Потребитель устанавливает технические требования к поставляемой продукции, определяет параметры и качество изделий и т. п. Как правило, заключение договоров со всеми условиями поставки предшествует непосредственному изготовлению продукции. В необходимых случаях вносятся коррективы в планы производства и поставки, а также “учетные цены” (“трудоемкость”) поставляемой продукции» [1. С. 264].

Л. С. Беляеву кажется, что тем самым устраняется важнейший недостаток прежней системы хозяйствования — приоритет производителя перед потребителем. Боюсь, однако, что только на бумаге. Ведь объединения остаются монополистами. В силу этого у них по определе-

нию возникает приоритет перед потребителем, лишенным свободы выбора поставщика, предлагающего наилучшие условия по цене (она директивна), ассортименту и качеству продукции. Процесс «бодания» между потребителем и поставщиком при заключении договоров может продолжаться бесконечно, если бы не необходимость во избежание паралича поставок принять условия монополиста. Не зная условий производства, потребитель не может и устанавливать технические требования к поставляемой продукции; в лучшем случае он способен выражать пожелания. Эти проблемы договорного процесса в плановой экономике хорошо известны из советской практики, где неоднократно предпринимались безуспешные попытки обеспечить приоритет потребителя.

Преувеличенными представляются и надежды Л. С. Беляева на положительное влияние экономико-математических методов и ЭВМ в составлении и выполнении планов [1. С. 270—271]. В советское время, несмотря на огромные усилия и выделенные средства, результат от них оказался минимальным. Даже прозорливо высказанное еще в 1970-е гг. (задолго до возникновения электронной торговли) предложение академика В. М. Глушкова о заказе населением товаров через ЭВМ осталось лишь на бумаге: так и осталось неясным, как заставить монополиста выполнить заказ, если это сопряжено с неизбежными для него трудностями. Впрочем, сказанное вовсе не означает, что в командной экономике неизбежны перманентный дефицит потребительских товаров и их низкое качество: в отдельные годы острота этой проблемы смягчалась, в том числе в СССР. Относительный достаток потребительских товаров и их неплохое качество были характерны для экономик ГДР и ЧССР. Многие зависело от пропорций в экономике, профессионализма плановых работников, равномерности поставок по территории и по социальным группам.

В книгах Беляева почти не упоминается острейшая проблема советской экономики — ускорение научно-технического прогресса. По этому показателю отставание от мирового уровня в 1970—1980-е гг. стало особенно сильным. Советский научно-технический прогресс носил преимущественно заимствованный характер и в фундаментальных, и в прикладных науках [7. С. 140—167]. Но особенно трудно шло внедрение его достижений, поскольку оно мешало выполнению текущих планов.

В качестве директивных показателей для объединений Л. С. Беляев предлагает следующие: выполнение плана по объему, ассортименту и качеству производимой продукции, а также повышение производительности труда [1. С. 261]. Это очень напоминает прежние советские варианты. Научно-технический прогресс при этом, видимо, «прячется» в ассортименте и качестве. Однако в числе показателей отсутствуют относящиеся к себестоимости продукции, что объясняется, видимо, отвращением к стоимостным показателям и опасением неблагоприятного влияния этого параметра на качество продукции. Однако с таким

подходом сложно согласиться: ведь себестоимость отражает использование материалов, основных фондов (через амортизацию), соотношение производительности труда и заработной платы. Не хватает также показателя, отражающего размер фонда заработной платы и необходимого не только для контроля этого показателя, но и для его увязки с планированием параметров розничного товарооборота. В то же время большим преимуществом подхода Беляева является отсутствие видимой заинтересованности производителя в нарушении планового ассортимента в погоне за объемом и прибылью из-за новых принципов ценообразования. Кроме того, исследователь предлагает сохранить монополию внешней торговли, что вытекает из его приверженности принципу планового хозяйства. При этом ослабляются положительное влияние внешнего рынка на внутренний с точки зрения уровня затрат и качества продукции, а также оценка внешним рынком качества и издержек отечественной продукции.

Оценивая взгляды Л. С. Беляева на совершенствование практики хозяйствования по сравнению с методами советской экономики, можно отметить существенное продвижение вперед, связанное с учетом ошибок советского периода. Но я не вижу коренного сдвига. В связи с отсутствием конкуренции и свободы в установлении цен и выбора поставщиков для защиты интересов потребителя и общества в целом приходится рассчитывать преимущественно на качество плана и силу административного нажима. Автор, видимо, считает это достаточным для обеспечения экономического успеха, апеллируя к достижениям советской экономики. Но при этом он опирается на данные официальной советской макроэкономической статистики. Такой подход можно было бы принять в начале 1980-х гг., но не сейчас, поскольку даже ЦСУ СССР в конце 1980-х признало грубейшие ошибки советской статистики.

Так, по моим расчетам (основанным на достоверных натуральных показателях), национальный доход СССР за 1928–1987 гг. вырос не в 90 раз, как показывал ЦСУ СССР, а в 6,9 раза, что с учетом тяжелой Великой Отечественной войны и периода восстановления тоже можно считать крупным успехом. Не думаю, что для демонстрации достоинств социализма надо прибегать к сомнительным статистическим данным. Они дискредитируют и социализм, и его сторонников. Не считаю также правильным безоговорочное отнесение Беляевым результатов Великой Отечественной войны к свидетельствам достоинств избранной СССР модели социализма без учета огромных людских потерь и бытовых лишений населения с первых месяцев войны, очень значительной материальной помощи по ленд-лизу и выявившегося в ходе войны недовольства населения результатами социалистического строительства. Приукрашивание истории, как и статистических данных, крайне вредно для объективного анализа и обоснованных выводов. Коммунистической партии, с учетом выявившихся в ходе войны слабостей общественной системы, следовало провести самокритич-

ный анализ своей предыдущей деятельности — как это было сделано Лениным после победы в Гражданской войне (частично это нашло отражение в проекте программы партии, разработанной в 1947 г., но так и не представленной партийному съезду). С большим опозданием такие выводы частично были сделаны Сталиным только незадолго до смерти [5. С. 70—100].

Отсутствие элементов соревновательности серьезно ослабляет эффективность системы, предлагаемой Л. С. Беляевым. Напомню, как эффективно (хотя и не без ошибок) использовалось соревнование между конструкторскими организациями при выборе вооружения в советское время. Имеются ли непреодолимые препятствия при распределении государственных заказов или заказов торговых организаций в рамках народнохозяйственного плана между отдельными объединениями, предлагающими более качественную, передовую и дешевую (в рамках лимитных цен) продукцию? Но для этого придется отказаться от монопольного положения этих объединений. Только тогда удастся осуществить принцип приоритета потребителя, о котором пишет Беляев.

Для стадии зрелого социализма, по мнению исследователя, необходимы глубокие изменения в политической надстройке. При сохранении сильного государства он считает возможным на этом этапе отказаться от диктатуры пролетариата в пользу более демократической системы власти трудящихся с опорой на Советы, а не на коммунистическую партию — как на начальной стадии становления социализма. В то же время «должна сохраняться руководящая роль коммунистической партии как штаба, разрабатывающего направление и конкретные меры по развитию общества и контролирующего каким-то образом их реализацию» [1. С. 311]. При этом предусматривается сохранение однопартийной системы ввиду отсутствия классов и наличия единой для всех трудящихся цели.

К сожалению, Л. С. Беляев слишком кратко излагает и обосновывает свой вариант решения этой важнейшей проблемы. Возможности злоупотребления монополией на власть слишком велики, чтобы игнорировать их. Кроме того, неясно, как обеспечить соревновательность при выборах в Советы. Полагаю, что, помимо ссылок на отсутствие классов и классовой борьбы, на Л. С. Беляева сильно повлияли сам факт краха социализма в СССР после отказа от однопартийной системы, а также бесплодность и расточительность многопартийной политической системы постсоветской России и многих других стран мира, лишь скрывающая за демократическим фасадом господство буржуазии, в противоположность требующей меньших затрат однопартийной системе. В то же время для выявления различных мнений внутри партии и лучшего отбора руководителей с учетом их реальных достижений предусматривается принцип демократического централизма, который при реальном (а не демагогическом, как в КПСС) его осуществлении, вероятно, способен решить эти задачи.

Причины поражения социализма в СССР

Рассмотрение причин поражения социализма в СССР занимает хотя и небольшую, но значимую для понимания взглядов автора на социализм часть текста [1. С. 213—221. В качестве основных причин поражения социализма в СССР он называет Великую Отечественную войну с ее огромными людскими и материальными потерями, капиталистическое окружение и «холодную войну» против СССР, неразработанность политэкономии социализма, неразрешенность противоречия между руководителями и подчиненными. «К поражению привело сочетание этих причин. Если бы любая из них отсутствовала, то СССР продолжил бы свое развитие» [1. С. 213].

В целом в оценке Л. С. Беляева привлекает акцент на объективные причины вместо поисков предателей в руководстве СССР и КПСС, которыми часто увлечены сторонники социализма постсоветского времени, а также комплексный подход к определению роли каждой из этих причин. Однако в их ряду почему-то отсутствует преждевременный переход к стадии зрелого социализма, о котором автор говорит в других частях текста.

Думается, однако, что причины поражения социализма в СССР не исчерпываются изложенным. Не только период Великой Отечественной войны, но и весь XX в. стали периодом тягчайших, без преувеличения — катастрофических потрясений для населения бывшего СССР. Он начался русско-японской войной, продолжился революцией 1905 г. и весьма значительной эмиграцией после нее. Затем произошли кровопролитная Первая мировая война, переросшая в Гражданскую войну с последовавшими за ней новой волной эмиграции и голодом 1921 г. Миллионы жизней унесли коллективизация и голод 1932—1933 гг. Затем последовали чистки 1937—1938 гг. После Великой Отечественной войны были еще одна массовая волна эмиграции и голод 1946 г. Затем началась кампания против «космополитов» с огромными моральными потерями для еврейской части населения и чисткой квалифицированных кадров, новые репрессии 1949-го — начала 1953 г. После этого очередные антисемитские кампании, борьба с диссидентами и еще одна волна эмиграции. В общей сложности, по моим подсчетам, по своим количественным показателям все перечисленные потери были равны или даже превысили потери Великой Отечественной войны.

В отношении влияния капиталистического окружения следует отметить, что здесь подтвердилась точка зрения Маркса и Энгельса (и Каутского, и русских меньшевиков) о возможности победы социализма лишь в результате одновременной победоносной революции в нескольких развитых европейских странах. Этой же точки зрения долгое время придерживался и В. И. Ленин, рассматривавший Октябрьскую революцию лишь в качестве сигнала к мировой революции, прежде всего в наиболее передовой европейской стране — Германии. Расширение лагеря

социализма за счет насильно навязанного странам Восточной Европы социализма не усилило, а ослабило позиции социализма в СССР, возложив на него тяжелое экономическое и военное бремя.

С другой стороны, влияние капиталистического окружения на СССР не было исключительно негативным. Именно в передовых капиталистических странах СССР искал и находил (различными путями, включая и научно-технический шпионаж) более современные научно-технические и даже организационные инновации, например в области организации производства, розничной торговли, при установлении цен в торговле внутри СЭВ. Последнее подвигло академика Милейковского в середине 1970-х гг. задать вопрос: как бы мы устанавливали цены, если бы не было цен мирового капиталистического рынка? В то же время негативное влияние этого окружения базировалось преимущественно на превосходстве в мягкой силе: уровне жизни, демократических свободах, свободе творчества для научных работников и деятелей культуры, в массовой культуре (продукция Голливуда — лишь один из примеров такого рода).

Автор связывает моральное разложение советского общества почти исключительно с пагубным влиянием хозрасчета после смерти Сталина. Мне кажется, что это сильное упрощение. В данном случае Л. С. Беляев (как и классики марксизма-ленинизма) уходит от рассмотрения психологии населения, связывая его поведение исключительно с социальной системой или воспитанием сознательности. Однако реальные факты не подтверждают этого вывода. Достаточно изучить судебную практику 1930—1940-х гг. (включая период Великой Отечественной войны) или дневники и воспоминания об этом периоде, чтобы убедиться, сколь распространены тогда были спекуляция и взяточничество, хищения государственного имущества, воровство и т. п. А как объяснить позорную практику массового разграбления частного имущества немцев даже высокопоставленными советскими военачальниками и чекистами самого высокого ранга, включая маршала Жукова?

Перейду к проблеме отношений между руководителями и подчиненными. Л. С. Беляев их понимает как следствие всевластия номенклатуры в хозяйственной сфере, государстве и партии в ущерб правам рядовых работников, простых граждан и членов партии. Именно такое положение, сложившееся еще в 1930-е гг., привело, по мнению исследователя, к стремлению «у ряда руководителей к обогащению, учащению случаев коррупции и т. д.» [1. С. 219]. Выход он видит, как и многие другие критики номенклатуры, в демократизации общественной и внутрипартийной жизни, а не в ликвидации социализма или государственной собственности. Однако и здесь все выглядит чрезмерно просто.

Огромные привилегии номенклатуры являлись платой за ее лояльность при недостаточности массовой поддержки власти и средством упредить коррупцию в условиях слабости моральных устоев боль-

шинства руководителей — т. е. привилегии номенклатуры были не чем иным, как обратной стороной пороков общественной системы. Кроме того, решение проблемы демократизации общественной жизни не существует вне учета уровня общей и политической культуры граждан, без которого торжество демократии легко вырождается в смуту или авторитаризм, как это случилось после 1985 г. в СССР.

Полемика с противниками социализма

Важное место в книге Л. С. Беляева занимает полемика с наиболее известными противниками социализма — Мизесом, Бруцкусом и Хайеком [1. С. 324—342]. Она значительно более аргументирована, чем в работах советского времени. Л. С. Беляев справедливо отмечает, что эти выдающиеся экономисты идеализировали капиталистическую экономику и не видели достоинств экономики плановой. Он обоснованно указывает на более чем успешное решение проблемы накопления при социализме.

В то же время исследователь признает обоснованность значительной части их критики и опасений, относящихся преимущественно к характеристике ранних стадий социализма. Л. С. Беляев считает, что сомнения критиков социализма в возможности учета полезности и необходимости продукции опровергаются практикой планирования, особенно применением математических методов и вычислительной техники [1. С. 328, 337]. Однако экономисты знают, что подобное представление далеко от действительности. Равно как реальная и потенциальная роль заказов. Здесь, как мне кажется, желаемое выдается исследователем за действительное.

* * *

Нынешний экономический кризис означает завершение целого этапа развития российского общества, начатого проведением рыночных реформ 1990-х гг., а возможно — и всего послесталинского периода, начавшего процесс демонтажа социализма (или того, что было принято считать таковым). Отсюда возросший интерес к возможности возрождения социализма на постсоветском пространстве. Работы российских и западных ученых в этой области становятся все более глубокими и интересными [9; 10]. К числу таковых, несомненно, относятся и труды Л. С. Беляева. Они характеризуются квалифицированным и ответственным анализом опыта социалистического строительства в СССР и Китае. Из этого опыта извлекаются важные политэкономические уроки и выводы. Часть этих выводов существенно продвигает развитие политэкономии социализма и представления о возможных путях социалистического строительства. Вместе с тем на многие вопросы удовлетворительного ответа пока не нашлось (если таковой существует вообще). Тем не менее работы, подобные рассмотренным выше, будят мысль и стимулируют дальнейшие исследования в этой области.

Литература

1. **Беляев Л. С.** Очерки политической экономии социализма. Иркутск : Сибирская книга, 2013.
2. **Беляев Л. С.** Элементы политической экономии социализма. Иркутск : Сибирская книга, 2016.
3. **Сталин И. В.** Вопросы ленинизма. М. : Госполитиздат, 1952.
4. Торговля СССР. Статистический справочник. М. : Финансы и статистика, 1989.
5. **Ханин Г. И.** «Оттепель» и «перестройка» начались при Сталине? // ЭКО. 2005. № 9.
6. **Ханин Г. И.** Когда и почему погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10.
7. **Ханин Г. И.** На чем спотыкается советская наука // Постижение. М. : Прогресс, 1989.
8. **Чуев Ф.** Полудержавный властелин. М. : Олма-Пресс, 1999.
9. **Чуныхов Ю. И.** Экономическая теория : в 3 кн. М. : ИТРК, 2013.
10. **Elman M.** Socialist Planning. 3 ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. ◆